

датскую или магистерскую степень именуются кандидатами или магистрами богословіи; удостоенные же докторской степени носятъ наименованіе доктора или богословіи, или церковной исторіи, или каноническаго права, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ, или представленной диссертациі. Степени доктора богословіи, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права удостоиваются магистры богословія безъ уснаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлю полученія ученой степени. 2) По § 81 лит. в. п. 6 того же устава удостоеніе степени доктора значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывомъ экстраординарнаго профессора Андрея Смирнова и заявленіемъ о. Ректора Академіи, единогласно признать сочиненіе доцента Митрофана Муретова достойнымъ степени доктора богословія и благопочтительнѣйше просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи доцента Муретова въ означенной степени. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертациі доцента М. Муретова и копиі съ отзывовъ о ней э.-орд профессора А. Смирнова и доцента А. Жданова.

VII. Прошенія—смотрителя Переславскаго духовнаго училища, протоіерея Александра Свирѣлина, и кандидата Николая Парійскаго о выдачѣ имъ на трехмѣсячный срокъ ихъ кандидатскихъ сочиненій.

Опредѣлили: Выдать просителямъ ихъ кандидатскія сочиненія на испрашиваемый срокъ.

VIII. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской духовной Академіи отъ 14 апрѣля сего года за № 647, при коемъ препровождены копиі: а) съ указа Святѣйшаго Синода отъ 4 сентября 1891 г. за № 4579 о принятіи Василя Буяльскаго въ число вольныхъ слушателей I курса С.-Петербургской Академіи и б) съ полнаго формулярнаго списка Буяльскаго.

Опредѣлили: Присланные документы приобщить къ дѣлу о принятіи В. Буяльскаго въ число вольныхъ слушателей Московской Академіи.

IX. Прошеніе вольнослушателя Академіи, кандидата правъ, Алексѣя Данилова:

„Поступивъ въ октябрѣ прошлаго 1891 года въ Московскую

духовную Академію вольнослушателемъ для испытанія себя въ занятіяхъ академическими науками, я прослушалъ читанные въ нынѣшнемъ учебномъ году на первомъ курсѣ предметы и представилъ требуемое отъ студентовъ перваго курса количество письменныхъ работъ. Въ настоящее время, чувствуя себя, при помощи Божіей, въ силахъ продолжать изученіе богословскихъ наукъ и желая посвятить себя на служеніе Церкви Божіей, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи принять меня въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Московской духовной Академіи“.

Справка: 1) Постановленіемъ Святѣйшаго Синода отъ $\frac{3}{20}$ ноября 1876 г. за № 1899 Совѣтамъ духовныхъ Академій предоставлено принимать въ Академіи окончившихъ курсъ въ Университетахъ, не подвергая ихъ повѣрочному испытанію, если они поступаютъ своекоштными студентами. 2) По § 81 лит. б п. 1 устава духовныхъ академій принятіе въ студенты Академіи значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго. 3) По § 113 того же устава „своекоштные студенты допускаются въ академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ Академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ“.

Опредѣлили: Благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять вольнослушателя Академіи, кандидата правъ, Алексѣя Данилова въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи, съ примѣненіемъ къ нему требованій, изложенныхъ въ § 113 академическаго устава.

Х. Донесеніе бібліотекаря Академіи Николая Колосова:

„Честь имѣю донести Совѣту Академіи о слѣдующихъ пожертвованіяхъ, поступившихъ въ бібліотеку:

„1. Отъ о. Ректора Академіи Архимандрита Антонія: а) Guizot. „Meditations sur la religion chrétienne“ ser. I et II; б) „сборникъ поученій по случаю неурожая“.

„2. Отъ о. Инспектора Академіи Архимандрита Петра: „Слово въ недѣлю мясопустную“.

„3. Отъ гг. профессоровъ Академіи: а) „Русское Обзорніе“ 1890 г. №№ 9 и 10, 1891 г. №№ 3 и 4; б) „Русская мысль“ 1890 г., № 4.

„4. Отъ Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ—„Чтеніе“ въ семь обществѣ кн. 159.

„5. Отъ о. Архимандрита Арсенія—его изданіе: „Три статьи неизвѣстнаго греческаго писателя начала XIII в. въ защиту православія“.

„6. Отъ іеромонаха Григорія—его а) „слово въ день Богоявленія Господня“ и б) „Поученіе въ день Срѣтенія Господня“.

„7. Отъ і. А. его сочиненіе: „Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Моск. губ.“.

„8. Отъ г-жи Тютчевой: „Select sermons by metropolitan of Moscow Philaret“.

„9. Отъ преподавателя Холмской духовной семинаріи Е. Червяковскаго—его сочиненія: а) „Римскій катихизисъ и Православное исповѣданіе Петра Могилы“ б) „Введеніе инструментальной музыки въ богослуженіи Западной церкви“ и в) „О штундизмѣ“.

„10. Отъ преподавателя Ярославской духовной семинаріи В. Дмитревскаго—его сочиненіе. „Современный расколъ въ Ярославской епархіи и борьба съ нимъ“.

„11. Отъ свящ. В. Быстрицкаго—8 брошюръ его сочиненій духовнаго содержанія.

„12. Отъ свящ. В. Металлова — его духовно-музыкальныя сочиненія въ 5 тетрадяхъ“.

Опредѣлили: Благодарить жертвователей.

XI. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской духовной Академіи отъ 28 марта за № 585 съ увѣдомленіемъ о полученіи рукописнаго сборника Кирилло-Бѣлозерской бібліотеки № ²¹/₁₀₉₈.

XII. Отношенія Совѣтовъ и Ректоровъ духовныхъ академій: С.-Петербургской, Кіевской и Казанской отъ 28 марта и 1 апрѣля за №№ 283, 284, 378, 379, 574 и 580 съ выраженіемъ благодарности за разныя книги, присланныя изъ Совѣта Московской Академіи.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Занимались составленіемъ росписанія испытаній студентовъ Академіи въ текущемъ 1891—92 учебномъ году.

Справка: 1) §§ 130 и 131 устава духовныхъ академій: „Въ концѣ каждаго учебнаго года производятся испытанія студентовъ въ знаніи преподаваемыхъ имъ наукъ. Испытанія производятся посредствомъ комиссій, особо назначаемыхъ для сего Совѣтомъ изъ преподавателей Академіи. 2) По § 81 лит. б. п. 2 назначеніе времени и порядка производства испытаній въ академіи значится

въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержде-
ніе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Росписаніе испытаній студентовъ Академіи
благопочтительнѣйше представить (и представлено) на утвержде-
ніе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвящен-
ства: „1892. Мая 1-го. Исполнить“.

3 іюня.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи,
Архимандрита Антонія, всѣ члены Совѣта Академіи, кромѣ про-
фессора Героея Татарскаго, не присутствовавшего вслѣдствіе
нахожденія въ отпуску.

Слушали: I. Внесенные предѣдателями комиссій, произво-
дившихъ испытанія студентовъ въ текущемъ году, списки сту-
дентовъ III курса съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ
ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе
учебнаго года. По разсмотрѣніи сихъ списковъ оказалось, что
изъ 49 студентовъ 40 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ
и сочиненіямъ баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе
3 и одинъ студентъ имѣетъ въ среднемъ выводѣ баллъ 3,76.
Студенты Константинъ Тороповъ, Владиміръ Поповъ и Николай
Христовуло не представили семестроваго сочиненія по Свящ.
Писанію Новаго Завѣта, студенты Константинъ Субботинъ и Па-
вель Тихомировъ—по Церковному Праву, студенты Кириллъ Пе-
ревозниковъ и Николай Матвѣевъ—по русской церковной исторіи
и литургикѣ и студентъ Николай Цыганковъ не представилъ ни
одного семестроваго сочиненія.

II. Внесенный и. д. инспектора Академіи, іеромонахомъ Григо-
ріемъ, списокъ студентовъ III курса съ обозначеніемъ балловъ
по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе 42 студентовъ обо-
значено балломъ 5 и 7 студентовъ—балломъ 4.

III. Прошенія студентовъ III курса: Константина Торопова,
Владимира Попова, Константина Субботина, Павла Тихомирова,
Николая Матвѣева, Николая Цыганкова, Кирилла Первозникова
и Николая Христовуло о дозволеніи подать семестровыя сочиненія
послѣ лѣтнихъ каникулъ; первыми 6-ю студентами сочиненія не
поданы были своевременно по болѣзни, а послѣдними двумя—

вслѣдствіе поздняго принятія и прибытія ихъ въ Академію. При прошеніяхъ приложеы медицинскія свидѣтельства.

Справка: 1) § 132 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію“ 2) Того же устава §§ 13 и 134: „при опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новыя языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся. — Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса“. 3) Указомъ Св. Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность дозволять студентамъ подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ въ особо уважительныхъ случаяхъ.

Опредѣлили: 1) Студентовъ III курса: 1. Илью Громогласова, Константина Сильченкова, Сергѣя Казанскаго, свящ. Евгенія Мерцалова, 5. Михаила Свѣтлаева, Василя Ремезова, свящ. Сергѣя Бѣльскаго, Василя Смирнова, Константина Соколова, 10. Сергѣя Глаголевскаго, Василя Пекрасова, Василя Покровскаго, Василя Воздвиженскаго, Никандра Тихомирова, 15. Ивана Язвицкаго, Вячеслава Цвѣткова, Сергѣя Левицкаго, Михаила Магницкаго, Николая Мошкова, 20. Николая Виноградова, Николая Остроумова, Димитрія Соколова, Николая Орлова, Константина Демидова, 25. Николая Слезкина, Николая Писаревскаго, Андрея Постникова, Ивана Лаврова, Василя Воскресенскаго, 30. Петра Борисоглѣбскаго, Владиміра Троицкаго, Михаила Владыкина, Николая Суперанскаго, Александра Красовскаго, 35. Ѳедора Ѳедорова, Петра Суринова, Николая Усенскаго, Ивана Орловскаго, Александра Васильева, 40. Ивана Малинина, Чедомиля Митровича перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Принимая во вниманіе, что студенты: Константинъ Тороповъ, Владиміръ Поповъ, Константинъ Субботинъ, Павелъ Тихомировъ, Николай Цыганковъ, Николай Матвѣевъ, Кирилъ Перевозниковъ и Николай Христодуло не представили семестровыхъ сочиненій по причинамъ вполне уважительнымъ, дозволить имъ подачу этихъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ.

IV. Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ ис-

пытанія студентовъ II курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По разсмотрѣніи сихъ списковъ оказалось, что изъ 59 студентовъ, 48 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3—, у одного студента средній баллъ 3,91, у другаго—3,88. Студенты: Василій Сенатовъ, Стефанъ Ювичичъ, Василій Корсунскій, Симонъ Логадзе и Владиміръ Оргійскій не представили семестровыхъ сочиненій по новой гражданской исторіи, студенты: Никита Рождественскій, іеродіаконъ Каллисть и Михаилъ Смирновъ — по исторіи русской литературы и студентъ Добросавъ Марковичъ—по общей церковной исторіи.

V. Внесенный и. д. инспектора Академіи, іеромонахомъ Григоріемъ, списокъ студентовъ II курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію: въ этомъ списокѣ поведеніе 57 студентовъ означено балломъ 5 и 2 студентовъ—балломъ 4.

VI. Прошенія студентовъ II курса, не подавшихъ своевременно семестровыхъ сочиненій по болѣзни: В. Сенатова, С. Ювичича, В. Корсунскаго, С. Логадзе, В. Оргійскаго, Н. Рождественскаго, іерод. Каллиста. М. Смирнова и Д. Марковича, — о разрѣшеніи имъ подать эти сочиненія послѣ лѣтнихъ каникулъ. При прошеніи каждымъ студентомъ представлено медицинское свидѣтельство.

Опредѣлили: 1) Студентовъ II курса: 1. Ѳедора Преображенскаго, Леонида Соколова, Ивана Романова, Владиміра Ильинскаго, 5. Николая Лебедева, Михаила Сменцовскаго, Константина Счастлива, Алексѣя Хвощева, Дмитрія Боголюбова, 10. Сергѣя Кулюкина, Дмитрія Садовскаго, Прокопія Щукина, Владиміра Покровскаго, Александра Никольскаго, 15. Александра Протопопова, Семена Попова, Василя Мещерскаго, Алексѣя Никольскаго, Ивана Никольскаго, 20. Ивана Успенскаго, Ивана Ублинскаго, Александра Знаменскаго, Сергѣя Сахарова, Василя Раевского, 25. Михаила Сеславинскаго, Григорія Мозолева, Александра Кедрова, Василя Промптова, Евгенія Кочанова, 30. Константина Успенскаго, Павла Синайскаго, Николая Георгіевскаго, Александра Бѣльева, Дмитрія Ширяева, 35. Константина Казанскаго, Петра Перхоровича, Вячеслава Тихальскаго, Сергѣя Сквордова, Ювеналія Тиховскаго, 40. Авенира Полозова, Николая Иоска, Петра Губкинскаго, Якова Воскресенскаго, Павла Всѣхсвятскаго, 45. Николая Молчанова, Прокопія Явловскаго, Дмитрія Казанскаго, Александра Покровскаго, Николая Дороватовскаго и 50.

Петра Шумова перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Студентамъ: В. Сенатову, С. Говичичу, В. Корсунскому, С. Логадзе, В. Оргійскому, Н. Рождественскому, іерод. Каллисту, М. Смирнову и Д. Марковичу дозволить подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ.

VII. Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ I курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По разсмотрѣніи сихъ списковъ оказалось, что изъ 65 студентовъ 53 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3—, у одного студента средній баллъ 3,9, и у 6 студентовъ—не менѣе 3,32. Студенты: Михаилъ Славскій, Пиколай Красновъ и Іорданъ Видойковичъ не представили семестровыхъ сочиненій по психологіи, а студенты—Яковъ Арбековъ и Ѳалесъ Захарасъ не держали испытаній ни по одному изъ предметовъ I курса и не представили ни одного семестроваго сочиненія и проповѣди.

VIII. Внесенный и. д. инспектора Академіи, іеромонахомъ Григоріемъ, списокъ студентовъ I курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ спискѣ поведеніе 58 студентовъ означено балломъ 5, 6 студентовъ—балломъ 4 и у одного студента нѣтъ балла по поведенію вслѣдствіе его отсутствія въ Академіи по болѣзни.

IX. Прошенія студентовъ I курса—Михаила Славскаго, Николая Краснова и Іордана Видойковича, не подавшихъ въ свое время, вслѣдствіе болѣзни, семестроваго сочиненія по психологіи, о разрѣшеніи имъ подать это сочиненіе послѣ лѣтнихъ каникулъ. При прошеніяхъ каждымъ студентомъ представлено медицинское свидѣтельство.

Справка: 1) По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 23 марта сего года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, студенту Ѳалесу Захарасу разрѣшено сдать экзамены по предметамъ I курса и подать семестровыя сочиненія и проповѣдь послѣ лѣтнихъ каникулъ. 2) Студентъ Яковъ Арбековъ подалъ въ Правленіе Академіи прошеніе объ увольненіи изъ Академіи — по болѣзни.

Опредѣлили: 1) Студентовъ I курса: 1. Николая Городенскаго, Ивана Жданова, Сергѣя Смирнова, Константина Попова, 5. Владиміра Абрамовича, Ивана Добролюбова, Аполлинарія Сва-

вицкаго, Василя Кузнецова. Василя Юрасова, 10. Василя Покровскаго, Михаила Граціанскаго, Сергѣя Черникова, Левида Грандилевскаго, Виктора Ливанова, 15. Кронида Смирнова, Константина Всѣхвѣтскаго, Алексѣя Западалова, Николая Спасскаго, Владиміра Кантерева, 20. Михаила Брехова, Александра Пятикрестовскаго, Павла Грому, Ивана Строганова, Николая Селунскаго, 25. Александра Стефановскаго, Николая Гальковскаго, Димитрія Брищеза, Павла Георгіевскаго, Сергѣя Поліевктова. 30. Бориса Бѣленскаго, Ивана Тихомирова, Ивана Булгакова, Николая Парбекова, Никифора Дмитревскаго, 35. Ивана Артоболовскаго, Михаила Нечаева, Сергѣя Озерецковскаго, Александр Смирнова, Василя Говорова, 40. Князя Александра Ухтомскаго, Константина Никольскаго, Владиміра Никольскаго, Сергѣя Орлова, Сергѣя Попова, 45. Филиппа Виноградова, Сергѣя Успенскаго, Александра Соловьева, Александра Песочина, Евгенія Попова, 50, Алексѣя Данилова, Димитрія Розанова, Емельяна Витошинскаго, свящ Симеона Никольскаго, іеромонаха Трифона, 55. Геннадія Добротина, Ивана Фильдмана, Ивана Виноградова, Якова Хабибъ-Хаванію, Симеона Голубева и 60. Василя Лашнюкова перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Студентамъ М. Славскому, П. Краснову и І. Видойковичу дозволить подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ.

„На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства“: „1892 г. Іюня 15. Утверждается“.

4 іюня.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, всѣ члены Совѣта Академіи, кромѣ проф. І. Татарскаго, находящагося въ отпуску.

Слушали: І. Внесенные предѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ IV курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на годичныхъ испытаніяхъ, кандидатскимъ сочиненіямъ, писаннымъ ими на IV курсѣ, а также отвѣтамъ и сочиненіямъ ихъ за первые три курса. По разсмотрѣніи сихъ списковъ и составленіи списка за четыре года академическаго курса оказалось, что изъ 59 студентовъ 17 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллъ не менѣе $4\frac{1}{2}$; 27 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 и ни по

одному предмету менѣе 3—. Студенты: Иванъ Андреевъ, Николай Арсеньевъ, Василій Архангельскій, Алексѣй Боголюбовъ, Владиміръ Булгаковъ, Алексѣй Виноградовъ, Николай Вознесенскій, Сергѣй Добровъ, Александръ Зыковъ, Александръ Клодницкій, Яковъ Матусевичъ, Викторъ Оедотовъ, Алексѣй Целебровскій, Геннадій Спасскій и Аркадій Азбукинъ не представили по болѣзни кандидатскихъ сочиненій; кромѣ того А. Целебровскій, Г. Спасскій и А. Азбукинъ не держали испытаній ни по одному изъ предметовъ IV курса и не представили проловѣди.

II. Отзывы преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ студентовъ IV курса:

1) Отзывъ ординарнаго профессора П. Субботина о сочиненіи *Димитрія Андреева*: „Обзоръ литературы о расколѣ въ XIX столѣтіи“.

„Сдѣлавъ въ предисловіи краткій очеркъ развитія литературы о расколѣ въ истекающемъ столѣтіи и указавъ условія, благопріятствовавшія широкому ея развитію въ это время, сочинитель объясняетъ, что не могъ взять на себя задачу обозрѣть въ подробности всю обширную литературу о расколѣ за данное время, а предлагаетъ лишь обзоръ „исторической литературы“, т. е. сочиненій по исторіи раскола, явившихся въ XIX столѣтіи, и что „изъ этого матеріала“, подлежащаго его изученію, „беретъ“ по преимуществу то, „что носитъ отпечатокъ самостоятельности, оригинальности, или новизны по взгляду на вопросъ, или по предмету изслѣдованія. Сочиненіе свое авторъ дѣлитъ на двѣ части. Въ первой, озаглавленной: „общіе вопросы по исторіи раскола“, говоритъ о принадлежащихъ разнымъ писателямъ даннаго времени воззрѣніяхъ на происхожденіе, сущность и значеніе раскола, при чемъ дѣлаетъ и критическія замѣчанія объ этихъ воззрѣніяхъ. Вторая часть дѣлится въ свою очередь на двѣ главы. Въ первой разсматриваются „опыты историко-прагматическаго изложенія событій въ расколѣ“, и именно: Исторія раскола м. Макарія, книга А. Н. Муравьева, книжка о архим. Павла и учебникъ Н. Ивановскаго; во второй—„монографіи и изслѣдованія о частныхъ раскольническихъ толкахъ или согласіяхъ“, при чемъ идетъ рѣчь сначала о сочиненіяхъ по первоначальной исторіи раскола, потомъ объ относящихся къ исторіи поповщины и безпоповщины.

Ясно, что авторъ въ своемъ сочиненіи далеко не исчерпываетъ всей литературы о расколѣ въ XIX столѣтіи, и сочиненіе его

никакъ нельзя назвать полнымъ обзоромъ ея за данное время. Но въ намѣченныхъ предѣлахъ онъ исполнилъ свою задачу вполне успѣшно,—разсмотрѣлъ все, появившіяся въ настоящемъ столѣтіи, сочиненія по исторіи раскола, въ томъ или другомъ отношеніи заслуживающія вниманія, и далъ объ нихъ правильное сужденіе (хотя отъ слишкомъ лестныхъ отзывовъ объ одномъ изъ писателей приличнѣе было бы воздержаться), соблюдая при томъ по возможности систематическій и хронологическій порядокъ, такъ что двѣ послѣднія главы сочиненія, въ цѣломъ ихъ составѣ, представляютъ какъ бы изложеніе исторіи поповщинскаго и безпоповщинскаго раскола по явившимся въ данное время изслѣдованіямъ объ нихъ. Въ особую похвалу сочиненію слѣдуетъ поставить ясное, точное и живое изложеніе.

2) Отзывъ экстраординарнаго профессора И. Корсунскаго о сочиненіи *Евоимія Апостолиди*: „Мнѣнія св. Отцевъ и учителей церкви греческой первыхъ пяти вѣковъ объ изученіи греческихъ языческихъ писателей“.

„Сочиненіе г. Апостолиди состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ изслѣдованія. Во введеніи (стр. 9—17) авторъ устанавливаетъ точку зрѣнія на предметъ изслѣдованія, какъ имѣющій научный, при томъ современный интересъ въ виду давняго и еще доселѣ не прекратившагося спора между классицизмомъ и реализмомъ. Самъ г. Апостолиди склоняется на сторону классицизма, опираясь въ своемъ мнѣніи о семъ между прочимъ на историческихъ данныхъ, заключающихся въ памятникахъ древней христіанской письменности. Изслѣдовать эти данныя и составляетъ задачу его труда, ограничиваемую впрочемъ, какъ и въ заглавіи сочиненія значится, лишь первыми пятью вѣками, такъ какъ эти вѣка, по признанію автора, особенно важны для сужденій по вопросу объ изученіи греческихъ языческихъ писателей. Но такъ какъ мнѣнія св. отцевъ и учителей церкви первыхъ пяти вѣковъ относительно изслѣдуемаго предмета уже со втораго вѣка ясно раздѣлились на благопріятныя и неблагопріятныя изученію твореній означенныхъ писателей въ христіанствѣ, отражая въ себѣ двойное мнѣніе іудейства о томъ же, т. е. благопріятное (іудео-александрійское) и неблагопріятное (іудео-палестинское): то въ I-й главѣ изслѣдованія авторъ и излагаетъ взглядъ древнихъ іудеевъ на изученіе греческихъ языческихъ писателей (стр. 18—69); а уже далѣе обращается къ памятникамъ собственно древней христіанской письменности и именно, во II-й главѣ разсматри-

ваеть отношеніе новозавѣтныхъ священныхъ писателей и мужей апостольскихъ къ древне-греческой образованности (стр. 70—111); въ III-й гл. излагаетъ взглядъ отцевъ и учителей церкви греческой II и III вѣковъ на тотъ же предметъ (стр. 112—165) и наконецъ въ IV-й гл. раскрываетъ взглядъ греческихъ отцевъ и учителей IV и V вѣковъ на изученіе греческихъ языческихъ писателей (стр. 166—212).

„Сочиненіе г. Апостолиди не представляетъ собою капитальной въ научномъ отношеніи работы; его нельзя назвать даже вполне самостоятельную ученою работою; оно находится въ нѣкоторой зависимости отъ извѣстнаго ученаго труда о. архимандрита Бориса (Плотникова). „Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности“, вып. 1 и 2-й. Казань, 1885. 1890. Кромѣ того, сочиненіе г. Апостолиди далеко не вполне свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны изложенія. Такъ, напр., со стороны содержанія можно указать на не вполне соразмѣрное развитіе нѣкоторыхъ частей сочиненія въ отношеніи къ цѣлому (срав. гл. I и IV), на предпочтеніе менѣе значительнаго болѣе важному въ нѣкоторыхъ доводахъ (срав. стр. 77), на преувеличенія (стр. 126, 134), на неточности, встрѣчающіяся по мѣстамъ, въ историческихъ справкахъ (стр. 11, 86, 87, 104, 140, 161, 171) и т. д. Со стороны изложенія можно сдѣлать упрекъ въ недостаткѣ внимательности къ переводу съ греческаго (напр. стр. 149—151, 174, 186), въ недостаткѣ ясности, чистоты языка (напр. стр. 154, 164, 118, 132, 125—126 и др.) и т. п. Впрочемъ многіе изъ этихъ недостатковъ, безъ сомнѣнія, зависѣли, съ одной стороны, отъ остающейся еще у автора, какъ иностранца по происхожденію, непривычки вполне владѣть русскимъ языкомъ и излагать на немъ свои мысли, а съ другой, отъ опущенія, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, значительной части времени учебнаго года для наилучшей обработки сочиненія. Уже это одно можетъ служить достаточнымъ основаніемъ кънисходительному взгляду на недостатки сочиненія г. Апостолиди. Если же отъ недостатковъ его обратитъ взоръ къ его достоинствамъ, то легко можно будетъ видѣть, что эти послѣднія имѣютъ весьма значительный перевѣсъ надъ недостатками. И прежде всего, г. Апостолиди, какъ оказывается изъ его сочиненія, кромѣ сочиненія о. Бориса, пользовался многими и другими источниками и пособиями, изъ коихъ нѣкоторыхъ о. Борисъ даже и не имѣлъ

подъ руками; вообще достаточно изучивъ литературу предмета русскую и иностранную, г. Апостолиди отнюдь не рабски къ ней отнесся, и указанная нами зависимость его сочиненія отъ сочиненія о. Бориса касается только взгляда на нѣкоторыя стороны дѣла, а въ цѣломъ онъ идетъ своею дорогою. За тѣмъ, съ удовольствіемъ можно отмѣтить, что г. Апостолиди вѣрно понялъ сущность дѣла и довольно стройно изложилъ мысли свои на основаніи собраннаго имъ матеріала, обнаружилъ доброе направленіе мыслей (см. напр. стр. 193) и въ концѣ концовъ пришелъ къ выводамъ, не безынтереснымъ для современнаго положенія и постановки вопроса объ изученіи греческихъ языческихъ писателей классическаго періода. А главное, нельзя упускать изъ виду, что изслѣдованіе г. Апостолиди обнимаетъ собою въ разсматриваемомъ отношеніи, не три-четыре памятника одинаковаго направленія мыслей, не одинъ вѣкъ христіанской эры, но множество памятниковъ разнаго направленія на пространствѣ цѣлыхъ пяти вѣковъ. Все это значительно возвышаетъ цѣну разсматриваемаго сочиненія, и его нельзя не признать вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата“.

3) Отзывъ доцента А. Мартынова о сочиненіи *Константина Богданова*: „Пастырь и паства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,— по воззрѣніямъ св. Іоанна Златоустаго“.

„Сочиненіе г. Богданова (478 стр.) дѣлится на двѣ части: первая изображаетъ дѣятельность пастыря Церкви, направленную непосредственно къ попеченію о спасеніи душъ пасомыхъ, вторая—его заботы объ устройствѣ соціально-экономическаго быта паствы. Соотвѣтственно тому, въ первой части пастырь разсматривается: 1) какъ лицо священнодѣйствующее, 2) какъ проповѣдникъ слова Божія съ церковной кафедрой и 3) какъ душепопечитель въ дѣятельности внѣ храма. Во второй части послѣ общихъ замѣчаній о необходимости, сущности и характерѣ общественной дѣятельности пастыря Церкви — онъ разсматривается: 1) какъ организаторъ церковной благотворительности, 2) какъ инициаторъ благотворительности частной и 3) какъ проповѣдникъ новой соціально-экономической реформы (?); въ качествѣ приложения къ этой второй части является разсужденіе о матеріальномъ содержаніи самого пастыря и объ отношеніи его (пастыря) къ похваламъ и порицаніямъ со стороны пасомыхъ.“

„Центральное положеніе въ сочиненіи г. Богданова занимаетъ личность пастыря Церкви; на ней сосредоточено, какъ и слѣдо-

вало, главное вниманіе автора. Однако, строго-буквально понявъ свою задачу—представить „взаимныя отношенія пастыря и паствы“, нашъ авторъ усиливается выставить на видъ и „самодѣятельность пасомыхъ“ во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ разсматривается собственно пастырская дѣятельность. Но это усиліе ведетъ къ нѣкоторымъ натяжкамъ и несообразностямъ. Такъ, въ главѣ первой, разсуждающей о пастырѣ, какъ лицѣ „священнодѣйствующемъ“, ставится отдѣлъ „о самодѣятельности пасомыхъ въ отношеніи къ этой дѣятельности пастыря“(?), гдѣ авторъ нашъ трактуетъ о долгѣ мірянъ неопустительно посѣщать богослуженіе, благоговѣнно стоять въ храмѣ Божіемъ и т. д. Въ слѣдующей главѣ, излагающей ученіе „о пастырѣ, какъ проповѣдникѣ слова Божія съ церковной кафедрой“, опять является тотъ же отдѣлъ „о самодѣятельности пасомыхъ“,... гдѣ рѣчь идетъ о необходимости внимательнаго отношенія слушателей къ пастырской проповѣди, усвоенія и проведенія въ жизнь сообщаемыхъ съ кафедры истинъ и проч. Такъ и въ другихъ главахъ сочиненія г. Богданова: то, что выставляется подъ именемъ „самодѣятельности“ пасомыхъ, точнѣе можно назвать лишь условіемъ благотворнаго воздѣйствія пастыря на пасомыхъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ въ цѣломъ изслѣдованіи нашего автора паства выступаетъ лишь какъ объектъ пастырской дѣятельности, а не какъ самостоятельный на ряду съ пастыремъ субъектъ, (какимъ желалъ представить ее авторъ). — Отмѣченный сейчасъ недостатокъ — скорѣе формально логическаго свойства. Но есть въ сочиненіи г. Богданова одна глава, которая по самому содержанію своему не соответствуетъ взятой авторомъ задачѣ и не совѣмъ точно передаетъ мысль св. Златоуста, — разумѣемъ трактатъ „о пастырѣ, какъ проповѣдникѣ новой соціально-экономической реформы“. Здѣсь изложены выбранные изъ разныхъ сочиненій св. отца похвальные отзывы о жизни первохристіанской (іерусалимской) общины, члены которой, связанные узами взаимной любви и единодушія, имѣли общеніе имуществъ и полное братское равенство въ соціальномъ отношеніи. Ни откуда не видно, чтобы эти исключительные порядки апостольской Церкви Златоустъ старался возстановить въ свое время, (что было прямо невозможно при измѣнившемся политическомъ положеніи христіанъ), и тѣмъ болѣе—рекомендовалъ послѣдующимъ пастырямъ заботиться о томъ. А между тѣмъ въ сочиненіи нашего автора (вопреки правдѣ) дѣло представляется именно такъ: въ кругу обязанностей пастыря

Церкви поставлена и эта „проповѣдь новой соціально-экономической реформы“ (?).

„Вышеуказанные недостатки не затемняютъ, однако, похвальныхъ качествъ сочиненія г. Богданова. Трудъ автора — совершенно самостоятельный и по выработкѣ общаго плана, и по частной группировкѣ матеріала. Отрѣшившись отъ всякихъ стороннихъ указаній, авторъ самъ углубился въ чтеніе твореній Златоуста, выбралъ изъ нихъ все, относящееся къ намѣченной дѣли, и въ общемъ представилъ полный и живой образъ пастыря Церкви. И это сдѣлалъ онъ не путемъ механическаго подбора и сопоставленія разныхъ мѣстъ изъ златоустовыхъ сочиненій (какъ часто поступаютъ при изложеніи святоотеческихъ ученій), а путемъ глубокаго проникновенія во внутренній смыслъ сужденій св. отца и такого изложенія ихъ, въ которомъ ясно выразились и собственные возвышенные воззрѣнія нашего автора на пастырское служеніе. Подъ перомъ его, идеаль пастыря, начертанный Златоустомъ, является не мертвымъ историческимъ памятникомъ, а живымъ образомъ для подражанія и руководства современныхъ намъ пастырей, къ которымъ авторъ и дѣлаетъ постоянныя обращенія и приложенія.

„При многочисленности и обширности твореній св. Іоанна Златоуста, тщательное изученіе ихъ—хотя и по одному только (впрочемъ—очень широкому) вопросу—требовало труда очень большаго. Это трудолюбіе нашего автора, въ связи съ вышеуказанными внутренними достоинствами и хорошимъ литературнымъ изложеніемъ его сочиненія, даетъ ему достаточное право на полученіе степени кандидата богословія“.

4) Отзывъ и. д. ординарнаго профессора П. Казанскаго о сочиненіи студента *Павла Борисовскаго*: „Нравственная философія графа Льва Николаевича Толстаго предъ судомъ христіанскаго откровеннаго ученія и разума“.

„Во вступленіи къ своему сочиненію, послѣ краткихъ замѣчаній о пробужденіи въ современномъ русскомъ обществѣ стремленія къ философскому изслѣдованію религіозно-нравственныхъ вопросовъ и о причинахъ этого явленія, авторъ говоритъ о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ одномъ изъ видныхъ представителей этого направленія въ нашемъ обществѣ, упоминаетъ о причинахъ, произведшихъ перемѣну въ его литературной дѣятельности, перечисляетъ съ одной стороны его произведенія съ философско-богословскимъ характеромъ, съ другой—сочиненія духовныхъ и свѣт-

скихъ писателей, направленные противъ ученія графа Толстаго; наконецъ авторъ опредѣляетъ задачу и характеръ своего изслѣдованія и указываетъ главные пункты нравственно-философскаго ученія графа Толстаго, изложенію и критическому разбору которыхъ думаетъ посвятить свое сочиненіе.

„Въ *первой* главѣ своего изслѣдованія, носящей заглавіе: *разборъ положенія: жизнь есть стремленіе къ благу*, авторъ излагаетъ взглядъ Толстаго на человѣческую жизнь и ея задачу и цѣль, которая придаетъ человѣческому существованію разумный смыслъ и вѣчное значеніе, не уничтожаемое лишеніями, страданіями и особенно смертію; затѣмъ подвергаетъ критическому разбору взглядъ Толстаго на жизнь, какъ „стремленіе къ благу“, и, признавъ этотъ взглядъ „весьма одностороннимъ“, пытается дать другое, по его мнѣнію, болѣе правильное опредѣленіе жизни, утверждая, что жизнь есть процессъ развитія и усовершенствованія всѣхъ высшихъ сторонъ духа человѣческаго. Но для того, чтобы развитіе человѣка совершалось правильно, ему необходимо имѣть идеаль высшаго совершенства. Послѣднюю мысль авторъ раскрываетъ весьма подробно (стр. 54—89) и доказываетъ, что идеаль высшаго совершенства — необходимъ съ одной стороны для оправданія борьбы съ неправильными влеченіями природы человѣческой, съ другой—для положительнаго руководства на пути правильнаго развитія человѣка. Далѣе авторъ старается доказать, что такой идеаль не можетъ быть произведеніемъ разума человѣческаго, а долженъ быть данъ отвнѣ, свыше, потому что только отвнѣ данный идеаль, какъ обладающій постоянствомъ и неизмѣнностью, можетъ имѣть обязательное значеніе, верховный авторитетъ для воли человѣка. Такимъ идеаломъ можетъ быть только Богъ, обладающая безконечными совершенствами Личность. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій авторъ опредѣляетъ задачу человѣческой жизни, какъ стремленіе къ познанію Бога и свободному подражанію Его совершенствамъ. Затѣмъ приведши нѣсколько мѣстъ Св. Писанія въ подтвержденіе послѣднихъ своихъ мыслей, авторъ старается показать, что опредѣленіе смысла жизни, какъ стремленія къ развитію, выше и состоятельнѣе опредѣленія, даннаго графомъ Толстымъ. Въ заключеніе сверхъ всякаго чаянія авторъ выражаетъ готовность согласиться съ Т—мъ, что жизнь есть стремленіе къ благу, если только подъ благомъ разумѣть истинное благо.

„Во *второй* главѣ (125—202 стр.), носящей заглавіе: *возможно*

ли благо личности? изложивъ ученіе графа Толстаго о томъ, что благо животной личности невозможно, что жизнь ея есть зло и бессмыслица, авторъ показываетъ несправедливость этого ученія и доказываетъ, что возможно прочное, постоянное и негнущее личное благо; оно состоитъ въ развитіи и укрѣпленіи высшихъ стремленій духа, т. е. того, что остается въ личности послѣ отреченія ея отъ самолюбія и плотскихъ страстей. Это благо вѣчно, не уничтожается при тѣлесной смерти, потому что духъ есть особая, отличная отъ тѣла, реальная субстанція, немогущая обратиться въ небытіе, равно какъ и сознаніе личности не подлежитъ разсудительному дѣйствию плотской смерти, потому что оно есть явленіе чисто психическое.

„Въ третьей главѣ (230—290 стр.), содержащей *изложеніе и разборъ ученія графа Толстаго о благи человеческой личности*, раскрываются слѣдующія мысли. Сказавъ, что жизнь, какъ стремленіе къ истинному благу, начинается съ пробужденіемъ „разумнаго сознанія“, авторъ раскрываетъ, что Т. подъ этимъ сознаніемъ разумѣетъ божество, понимаемое пантеистически, разумъ вселенной, разлитый повсюду. Въ человѣкѣ это божество открывається какъ „разумѣніе жизни“, сынъ человеческій, Сынъ Божій, свѣтъ, духъ. Отсюда истинное благо человеческое должно, по Толстому, заключаться въ жизни по разуму, въ подчиненіи животной личности разумному сознанію, въ отреченіи отъ собственной воли и слияніи ея съ волею божества, въ жизни при свѣтѣ разумнія, въ жизни по духу, въ возвышеніи этого духа надъ плотію, вообще въ жизни по волѣ и разуму божескаго начала, открывающаго себя въ людяхъ, какъ и во всемъ мірѣ. Противъ такого пониманія блага авторъ говоритъ, что жизнь по духу есть благо *личное*, индивидуальное. Всякое добро, какъ плодъ разумнія, мыслится только въ самосознающей личности. Сила нравственная предполагаетъ собою *свободу* самосознающаго духа. Безъ этого условія всѣ сознательныя дѣйствія субъекта не принадлежатъ ему, теряютъ свой нравственный характеръ. Выборъ между сознательными дѣйствіями и фактъ вмѣненія свидѣтельствуютъ также, что жизнь по разумнію относится не къ безличному началу бытія, а къ индивидуальной самосознающей и самоопредѣляющей личности.—Противъ узкаго пониманія Т—мъ содержанія духовной жизни авторъ доказываетъ мысль, что истинное благо, какъ жизнь по духу, должно заключаться въ развитіи всѣхъ высшихъ человеческихъ стремленій, а не однихъ только нрав-

ственныхъ. Противъ ученія Толстаго о совершенствѣ человѣческой природы и его объясненія заблужденій и субъективнаго зла *плотію*, какъ источникомъ животныхъ похотей, и *уклоненіями* людей отъ жизни разумнія, авторъ раскрываетъ, что не плоть сама по себѣ виновна въ нашихъ порокахъ, а наше эгоистическое *я*, имѣющее поэтому и чисто духовные пороки. Что же касается уклоненій отъ жизни разумнія, то съ пантеистической точки зрѣнія ихъ не должно быть, потому что въ человѣкѣ, по Толстому, дѣйствуетъ не его личный ограниченный духъ, а божество. Но эти произвольныя уклоненія дѣйствительно существуютъ во всѣхъ областяхъ духовной жизни человѣка и свидѣтельствуютъ о томъ, что природа человѣка повреждена и несовершенна и потому истинное благо для естественныхъ силъ человѣка недостижимо. Наконецъ авторъ говоритъ, что только христіанскимъ ученіемъ о грѣхопадѣніи человѣка дается удовлетворительное рѣшеніе вопроса о происхожденіи зла и только въ христіанскомъ ученіи объ искупленіи человѣка сообщается истинное понятіе о пути, приводящемъ къ высшему благу жизни.

Въ *четвертой* главѣ своего изслѣдованія (291—392 стр.) авторъ излагаетъ и подвергаетъ разбору ученіе Толстаго о любви, какъ началъ истинно-правственной и истинно-человѣческой дѣятельности. Въ частности авторъ излагаетъ здѣсь ученіе Толстаго о происхожденіи и сущности любви и отсюда дѣлаетъ выводъ, что по ученію Толстаго любовь возникаетъ нѣ въ человѣкѣ вслѣдствіе отреченія его отъ блага животной личности, что не любовь есть причина этого отреченія, а наоборотъ это послѣднее является источникомъ любви, порождаетъ ее. Подвергая критическому разбору эти мысли, авторъ указываетъ, 1., что отреченіе само по себѣ не вызываетъ необходимо въ человѣкѣ любви къ другимъ: можно сознать безсмысленность личнаго существованія, и однако жить не для другихъ, а для себя только;—2, что человѣкъ служитъ благу ближнихъ не вслѣдствіе своего отреченія отъ личнаго блага, а *по непосредственному влеченію своего сердца*; это показываетъ, что не любовь есть плодъ этого отреченія, а наоборотъ сама любовь, какъ основное и самостоятельное чувство, является мотивомъ отреченія, которое поэтому есть проявленіе и слѣдствіе любви, а не источниковъ ея.

„Далѣе авторъ старается доказать, что дѣятельность человѣка для блага другихъ, являющаяся вслѣдствіе отреченія отъ личнаго блага, не имѣетъ высокаго нравственнаго достоинства, по-

тому что въ основѣ такой дѣятельности лежитъ не *чувство любви*, какъ непосредственное влеченіе человѣка сдѣлать добро ближнему, — какъ чуждое всякихъ разсужденій о возможности или невозможности личнаго блага, а холодное свидѣтельство разума о неизбѣжной гибели этого блага; въ послѣднемъ случаѣ „человѣкъ“ начинаетъ служить благу ближнихъ не по внутреннему свободному произволению, а вслѣдствіе какъ будто роковой необходимости, въ силу неизбѣжныхъ постоянныхъ условій человѣческой жизни, которыя открываютъ бессмысленность личнаго существованія“ (319 стр.). По мнѣнію автора, служеніе другимъ только тогда можетъ имѣть нравственную цѣну, когда оно есть не плодъ отвлеченныхъ умозаключеній, напротивъ — проявленіе любви, „внутренняго сочувствія, сердечнаго состраданія человѣка къ своему ближнему, искренней готовности служить ему по личному *расположенію*“ (стр. 323).

„Кромѣ того недостатокъ ученія Толстаго о любви авторъ усматриваетъ въ томъ, что проявленіе ея онъ ограничиваетъ одними лишь внѣшними подвигами добродѣтели (327 стр.). По мнѣнію автора, любовь у гр. Толстаго есть только жертвованіе животнымъ благомъ, умаленіе животной личности ради блага другихъ; любить по Толстому значитъ дѣлать добро. Такія опредѣленія любви автору кажутся односторонними, обнимающими собою одну только внѣшнюю сторону служенія ближнимъ (330 стр.).

„Въ заключеніе авторъ раскрываетъ, что законъ любви къ ближнимъ въ системѣ Толстаго не имѣетъ достаточныхъ метафизическихъ основаній и любовь не чужда эгоистическихъ и своекорыстныхъ мотивовъ и что христіанское ученіе о любви въ томъ и другомъ отношеніи выше ученія Толстаго (337—392 стр.).

„Въ *пятой* главѣ авторъ излагаетъ и критически разсматриваетъ ученіе Толстаго о *цѣли жизни*. Эту цѣль Толстой полагаетъ въ служеніи другимъ. Но авторъ показываетъ, что при отрицаніи безсмертія личности эта цѣль не въ состояніи сообщить смыслъ жизни: есть ли смыслъ въ служеніи благу погибающихъ личностей? Толстой предлагаетъ служить не отдѣльнымъ погибающимъ личностямъ, а *цѣлому человечеству*, или общей жизни міра, который вѣчень: своею дѣятельностію для общаго блага человечества каждая отдѣльная личность можетъ содѣйствовать совершенству жизни человечества. На это авторъ отвѣчаетъ, что и это совершенство жизни человечества не можетъ быть вполне достаточною цѣлію жизни, способно придать смыслъ жизни; по-

тому что и все человѣчество, какъ совокупность погибающихъ личностей, не можетъ имѣть жизни въ себѣ и не составляетъ поэтому бытія постояннаго и неизмѣннаго; при отрицаніи личнаго безсмертія, идеал служенія благу какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всего человѣчества не можетъ быть достаточно сильнымъ мотивомъ дѣятельности въ пользу общественнаго блага.

„По отрицая безсмертіе личности, Толстой признаетъ вѣчность особеннаго человѣческаго *я*, или характера, какъ известной степени любви, и въ развитіи этого характера полагаетъ цѣль жизни. По Толстому это *я* вырабатывается въ общемъ продолженіи жизни міра цѣлыми вѣками: оно въ времени и пространства и потому не можетъ быть уничтожено смертію. Дѣло жизни должно состоять въ постоянномъ увеличеніи любви, которая посему не погибнетъ при тѣлесной смерти, а будетъ жить вѣчно *въ потомкахъ*, въ *воспоминаніи* послѣдующихъ людей и вліяніи на нихъ. На это авторъ замѣчаетъ, что характеръ не получается личностію отъ рожденія въ готовомъ видѣ, а вырабатывается самимъ человѣкомъ въ этой жизни изъ природныхъ душевныхъ свойствъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и обстоятельствъ. Если же характеръ, какъ степень любви, не умираетъ; то это свидѣтельствуетъ о безсмертіи *самой самосознающей личности*; ибо любовь существуетъ только въ сознаніи и отъ него неотдѣлима. Сознаніе есть основная *форма* психической жизни, а характеръ—ея *содержаніе*. Но форма и содержаніе всегда существуютъ вмѣстѣ и составляютъ одну личность. Характеръ есть *жизнь сознанія*,* внѣ котораго онъ не существуетъ; посему и любовь содержится только въ личности, какъ ея душевное настроеніе и внѣ личности не мыслима. Значитъ безсмертна не любовь, какъ нѣчто отвлеченное, а *любящее существо*, т. е. личность. Что касается безсмертія въ памяти потомства; то оно составляетъ удѣлъ не многихъ и не можетъ быть названо вѣчнымъ.—Затѣмъ авторъ раскрываетъ христіанское ученіе о будущей жизни и личномъ блаженномъ безсмертіи, которымъ (ученіемъ) опредѣляется истинная и разумная цѣль жизни, опровергаетъ возраженіе Толстаго противъ этого ученія, какъ выраженія эгоизма личности, и въ заключеніе показываетъ, въ чемъ состоитъ цѣль жизни какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго человѣчества.

„Теперь сдѣлаемъ нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно содержанія разсматриваемаго сочиненія. Существеннымъ недостаткомъ *вступительной* части сочиненія г. Борисовскаго

представляется отсутствіе въ ней краткаго систематическаго изложенія всего ученія Толстаго, откуда читатель могъ бы познакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ міровоззрѣніемъ графа и уяснить для себя существенные пункты его нравственной философіи, которую авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія. Теперь же, вслѣдствіе указаннаго пробѣла читатель сочиненія не видитъ тѣхъ основаній, по которымъ автору угодно было подвергнуть критическому разбору тѣ, а не другіе пункты нравственнаго ученія Толстаго, и избрать такой, а не иной планъ изслѣдованія.

„Критику автора, направленную противъ положенія Толстаго: „жизнь есть стремленіе къ благу“ нельзя признать вполне удовлетворительною. Это опредѣленіе жизни авторъ признаетъ весьма одностороннимъ на томъ основаніи, что оно будто бы „не захватываетъ всѣхъ жизненныхъ отправленій человѣческаго духа“, но въ оправданіе своего сужденія авторъ не представилъ достаточныхъ доказательствъ. Ошибка автора состоитъ въ томъ, что онъ начинаетъ доказывать несправедливость положенія Толстаго, не предложивъ разъясненія относительно того, что именно разумѣтъ Толстой подъ благомъ, составляющимъ предметъ стремленій человѣка. Пока недоказано, что гр. Толстой понимаетъ благо неправильно, — до тѣхъ поръ нѣтъ никакихъ основаній возставать противъ его опредѣленія жизни. Общая формула: „жизнь есть стремленіе къ благу“ не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго и не представляетъ никакого противорѣчія ни ученію Св. Писанія, ни ученію Отцевъ Церкви. Догматисты и моралисты Православной Церкви располагаютъ насъ скорѣе согласиться съ такимъ опредѣленіемъ жизни, чѣмъ опровергать его: на основаніи Св. Писанія они учатъ, что одною изъ главныхъ цѣлей какъ созданія Богомъ человѣка, такъ и пришествія на землю Сына Божія было благо и блаженство человѣка. Если же самъ Богъ при созданіи и искупленіи человѣка имѣлъ въ виду благо послѣдняго; то что же предосудительнаго въ томъ, если и человѣкъ въ продолженіи своей жизни будетъ стремиться къ достиженію блага? Можно даже сказать, что человѣкъ *обязанъ* стремиться къ осуществленію цѣли, указанной ему Богомъ. Да и самъ авторъ въ концѣ первой главы, послѣ продолжительной полемики противъ опредѣленія: „жизнь есть стремленіе къ благу“, говоритъ: „если мы не согласны съ Л. Н. Т—мъ, что жизнь вообще есть стремленіе къ благу; то все таки готовы признать справедливою ту

мысль, что истинная человѣческая жизнь должна заключаться въ стремленіи къ истинному благу“... (стр. 122), и въ концѣ пятой главы сочиненія онъ высказываетъ слѣдующую мысль: „въ глубинѣ нашего духа лежитъ никогда неумирающее, *постоянное* влеченіе къ высочайшему, абсолютному благу, т. е. такому, которое вполне удовлетворяло бы всѣмъ высшимъ потребностямъ нашей природы“... (стр. 467). Приведенными словами авторъ самъ уничтожаетъ значеніе своей довольно пространной критики, направленной противъ общаго положенія жизнь есть стремленіе къ благу.

„Признавъ неудовлетворительнымъ и одностороннимъ опредѣленіе жизни, сдѣланное Толстымъ, авторъ предлагаетъ свое, называя жизнь *процессомъ развитія*. Но нѣтъ никакого основанія признать это опредѣленіе лучшимъ, чѣмъ опредѣленіе Толстаго; и въ немъ не указывается ни смыслъ, ни цѣль жизни; при немъ остается неизвѣстнымъ, къ чему долженъ направляться процессъ развитія силъ человѣка. При томъ же предлагаемое авторомъ опредѣленіе жизни не исключаетъ возможности превратнаго пониманія ея смысла. Извѣстно, что и пантеисты смотрятъ на жизнь, какъ на процессъ развитія, но придаютъ этому процессу превратный смыслъ. Доказывая преимущество своего опредѣленія жизни предъ опредѣленіемъ графа, авторъ говоритъ: „правильное развитіе и усовершенствованіе духовныхъ способностей уже по тому одному должно составлять существенную задачу жизни, что и вѣрное опредѣленіе самаго блага не мыслимо безъ этого развитія“ и проч. (стр. 114) Но ни откуда не видно, что Т—й не признаетъ необходимости правильного развитія силъ и способностей человѣка для правильного пониманія и достиженія блага жизни: напротивъ онъ не разъ говоритъ, что для опредѣленія смысла жизни и для достиженія истиннаго блага необходимо правильное развитіе всѣхъ силъ природы человѣка и что въ уклоненіи людей отъ исполненія этого требованія и заключается причина того, что они терпятъ многія страданія и бѣдствія и не достигаютъ истиннаго блага (стр. 205 и 211). Вообще критику автора, направленную противъ положенія Толстаго: „жизнь есть стремленіе къ благу“, нельзя признать устойчивою и явою: сначала авторъ доказываетъ, что жизнь нельзя назвать стремленіемъ къ благу, а въ концѣ главы изъясняетъ готовность согласиться съ такимъ опредѣленіемъ жизни; неясность же критики происходитъ между прочимъ отъ того, что ни слова не сказано о томъ, какъ понимаетъ Толстой благо жизни, авторъ *ex abrupto*, совер-

шенно неожиданно для читателя дѣлаетъ нападеніе на такіе пункты ученія Толстаго, о которыхъ читатель нисколько не былъ предувѣдомленъ авторомъ. Такъ авторъ совершенно неожиданно сообщаетъ читателю, что Толстой признаетъ живущее во всѣхъ людяхъ „разумнѣе жизни“, называемое имъ сыномъ человѣческимъ, духомъ, свѣтомъ, Сыномъ Божиимъ, что Толстой отрицаетъ бытіе личнаго Бога (стр. 70. 102)—и тѣмъ приводитъ читателя въ немалое изумленіе.

„Въ частности надобно замѣтить, что разсужденія автора о необходимости идеала совершенства для правильнаго развитія силъ и способностей человѣка, о происхожденіи этого идеала и отношеній его къ волѣ и дѣятельности человѣка — по изложенію довольно растянуты, а по содержанію не всегда вѣрны и основательны. Въ примѣрѣ не совсѣмъ ясныхъ и правильныхъ разсужденій можно привести слѣдующее: „старанія человѣка развить лучшія стороны своего существа, всегда сопровождаемыя подавленіемъ низшихъ стремленій, хотя сами по себѣ и одобрительны, однако безъ признанія высшаго идеала совершенства бывають и малоуспѣшны, и являютя непослѣдовательными, не имѣють достаточной законности, потому что въ этомъ случаѣ возвышенныя и низменныя влеченія должны быть признаны одинаково равноправными въ человѣческой природѣ“ (стр. 87. 88); въ примѣрѣ странныхъ разсужденій можно привести слѣдующее мѣсто: „люди, обладая свободой самоопредѣленія и задатками превратнаго, ненормальнаго развитія, могутъ и не слѣдовать ему (идеалу), не усвоить собственною душею его содержанія. Конечно, нравственная вина за это, несомнѣнно, будетъ лежать на нихъ. Тѣмъ не менѣе они имѣють законное право(?) не слѣдовать идеалу до тѣхъ поръ, пока исполненіе его не будетъ вмѣнено имъ въ непремѣнную обязанность (стр. 94. 95); или: „сами по себѣ человѣческіе идеалы ни къ чему, строго говоря, и не обязываютъ людей, не имѣють надъ ними постоянной, роковой(?), всеобщей и вѣчной власти, потому что создаются самимъ же человѣчествомъ, которое по собственному произволу мѣняетъ ихъ время отъ времени и разнообразитъ до бесконечности“ (95—96 стр. ср. 102—103); здѣсь же встрѣчаются въ сужденіяхъ автора противорѣчія; такъ на стр. 103-й авторъ говоритъ „мы непремѣнно придемъ къ убѣжденію въ бытіи личнаго Бога, какъ совершеннѣйшаго воплощенія идеала“..., между тѣмъ какъ выше на стр. 89-й утверждаетъ, что „нѣтъ основаній мечтать, чтобъ человѣчество само когда

нибудь могло выработать высшій идеаль совершенства“. Или: „объектомъ религіознаго сознанія служить самъ Богъ, съ Которымъ оно вступаетъ въ ближайшее общевіе и Его высочайшая воля передается здѣсь людямъ непосредственно. Внутреннее существо и абсолютныя свойства Божества, какъ совершеннѣйшаго идеала открываются прежде всего религіозному сознанію (стр. 106), оно открываетъ людямъ высочайшій“ идеаль совершенства (107), между тѣмъ на стр. 76-й у него говорится: „человѣкъ постоянно стремится къ безконечному, на основаніи прирожденной идеи о немъ. По эта идея не дастъ человѣку прямого и яснаго отвѣта на вопросъ: гдѣ именно искать безконечное, *какъ представлять его*, какіе атрибуты приписывать его природѣ“. Нельзя оставить безъ вниманія и неудачныхъ выраженій, допускаемыхъ здѣсь авторомъ въ родѣ слѣдующихъ: *обязательный долгъ* (92. 96.); „религіозное чувство утверждаетъ дѣятельность на прочную и вѣрную почву“ (107); „сами по себѣ эти задатки безъ означенной нормы *неизбѣжно* идутъ въ своемъ развитіи иногда(?) по ложному направленію“ (83).

„Что касается *второй* главы сочиненія, то доказательства автора въ пользу той мысли, что личность не можетъ уничтожиться и послѣ смерти тѣлесной, мы признаемъ изложенными ясно, полно и основательно и вообще эту главу мы считаемъ одною изъ лучшихъ въ сочиненіи автора. Но все же не можемъ не упрекнуть автора за то, что онъ не даетъ здѣсь полнаго и обстоятельнаго разъясненія одного важнаго вопроса, которое существенно необходимо какъ для пониманія ученія Толстаго, такъ и для правильной полемики съ нимъ. Мы разумѣемъ вопросъ о томъ, что такое по Толстому *животная личность* и ея благо, и что такое разумное я и его благо, отъ которыхъ отрекаться не нужно (см. 21 и 22 гл. книги о жизни). Не можемъ также оставить безъ замѣчанія, что *насущныя* потребности авторъ понимаетъ какъ то особенно; подъ ними онъ разумѣетъ, повидимому, только низшія чувственныя потребности и противопоставляетъ ихъ высшимъ духовнымъ потребностямъ человѣка; но названіе. *насущныя* приложимо и къ этимъ послѣднимъ; встрѣчается здѣсь еще странное выраженіе „истинное благо должно быть предметомъ произвольныхъ(?) стремленій, а не удовлетвореніемъ необходимой потребности“ (135. 136 стр.).

„Относительно *третьей* главы сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія. Изложивъ ученіе Толстаго о благѣ жизни,—ученіе, которое онъ

старается подтвердить изрѣченіями Иисуса Христа, толкуя ихъ по своему, авторъ присовокупляетъ: „разумѣется, не въ предѣлахъ нашей задачи экзегетически доказывать, что въ подтвержденіе своихъ мыслей Левъ Николаевичъ очень часто несправедливо ссылается на евангельское ученіе, вкладываетъ въ слова Иисуса Христа свой собственный, не свойственный имъ смыслъ, допускаетъ неправильныя сопоставленія однихъ мѣстъ Евангелія съ другими, злоупотребляетъ евангельскими терминами и названіями (каковы: Слово, Сынъ человѣческой, Сынъ Божій)“ (стр. 230 и д.). Но по нашему мнѣнію авторъ не имѣетъ права уклоняться отъ обличенія неправильнаго пониманія Толстымъ изрѣченій Св. Писанія, приводимыхъ имъ въ подтвержденіе своего ученія. Такое уклоненіе отъ разъясненія истиннаго смысла мѣстъ Писанія, неправильно понимаемыхъ Толстымъ, находится въ прямомъ противорѣчій съ содержаніемъ взятой авторомъ темы и значительно уменьшаетъ силу и убѣдительность полемики автора. „Наше спеціальное дѣло, продолжаетъ авторъ, разсмотрѣть ученіе Толстаго съ *общей* философско-христіанской точки зрѣнія, при показаніи непосредственной, внутренней истины, открываемой въ божественномъ откровеніи и нашемъ сознаніи. Мы беремъ моральное ученіе графа, какъ извѣстное міровоззрѣніе, какъ нравственную философію, и потому должны опредѣлить, на сколько это ученіе состоятельно по своимъ внутреннимъ основамъ и общимъ принципамъ, и въ какой мѣрѣ выше его, превосходитъ и правдивѣе истинное христіанство, проповѣдуемое вселенскою православною Церковію“ (231 стр.). Чѣмъ болѣе вдумываешься въ эти слова автора, тѣмъ болѣе обнаруживается ихъ странность и неосновательность. Авторъ хочетъ опровергать ученіе Толстаго съ *общей* философско-христіанской точки зрѣнія; но какую силу будетъ имѣть такое опроверженіе для Толстаго и его приверженцевъ, когда не доказано, что они неправильно понимаютъ слова Евангелія, приводимыя ими въ подтвержденіе своего ученія? И что значатъ слова автора: „при показаніи непосредственной, внутренней истины, открываемой въ божественномъ откровеніи и нашемъ сознаніи“? Не этимъ ли принципомъ руководился и Толстой при объясненіи Евангелія и не вслѣдствіе ли его онъ и пришелъ къ превратному толкованію евангельскихъ изрѣченій? — Міровоззрѣнію своему Толстой между прочимъ старается найти основаніе и въ изрѣченіяхъ Св. Писанія, неправильно понимаемыхъ имъ; онъ объявляетъ, что его міровоззрѣніе есть ни что иное, какъ

истинное истолкованіе ученія Христова, до сихъ поръ неправильно понимаемаго людьми. Возможно ли показать несостоятельность міровоззрѣнія Толстаго по его *внутреннимъ основамъ и общимъ принципамъ*, предварительно не доказавъ, что онъ извращаетъ смыслъ евангельскихъ изрѣченій? Далѣе (232 стр.) авторъ говоритъ о себѣ, что свое ученіе о благѣ человѣческой жизни утверждаетъ на тѣхъ же словахъ Писанія, на которыя ссылается и Толстой, и при всемъ томъ понимаетъ это благо совсѣмъ ипаче, чѣмъ Толстой (232 стр.). Какъ же доказать, что правда находится на сторонѣ автора, а не Толстаго? Очевидно, что этого можно достигнуть только путемъ правильнаго истолкованія смысла искажаемыхъ Толстымъ мѣстъ Писанія.

„Авторъ утверждаетъ, что „воззрѣнія Толстаго на человѣческое существо носятъ несомнѣнно *дуалистическій* характеръ“ (233 стр.), и вслѣдъ затѣмъ говоритъ, что ученіе графа о духѣ очень сходно съ ученіемъ Шопенгауера о волѣ, или съ ученіемъ Гартмана о безсознательномъ. Но можно ли послѣднихъ отнести къ числу философовъ дуалистовъ? Къ тому же и авторъ въ другихъ мѣстахъ сочиненія не разъ говоритъ, что Толстой смотритъ на жизнь міра и человѣчества съ пантеистической точки зрѣнія (напр. стр. 212 и д.).

„Авторъ упрекаетъ Толстаго за то, что онъ содержаніе жизни по духу, по разуму, понимаетъ односторонне, разумѣя подъ разумомъ и разумнымъ сознаніемъ только нравственное чувство (стр. 239). Но не видно, на чемъ основанъ этотъ упрекъ и въ чемъ открывается эта односторонность Толстаго, и потому доказательство автора, что жизнь по духу, въ которой заключается истинное благо человѣка, должна состоять въ развитіи и укрѣпленіи всѣхъ высшихъ идеальныхъ стремленій человѣческаго духа,—представляется по меньшей мѣрѣ излишнимъ.

„Разсужденія автора о значеніи эстетическаго чувства въ жизни человѣка не совсѣмъ правильны: здѣсь авторъ впадаетъ въ преувеличеніе, называя эстетическое чувство „мѣриломъ общаго уровня развитія личности“. Поэтому никакъ нельзя согласиться съ мыслью автора, что „неразвитость эстетическаго чувства всегда свидѣтельствуетъ о нѣкоторой умственной тупости, нравственномъ невѣжествѣ и низости религіознаго сознанія“ (стр. 242 и 243). Встрѣчаются люди съ недостаточно развитымъ эстетическимъ чувствомъ, но тѣмъ не менѣе обладающіе значительнымъ разви-

тіемъ ума, стояще на значительно высокой ступени нравственности и религіозности и наоборотъ.

„Критическій разборъ ученія Толстаго о любви, составляющій содержаніе *четвертой* главы разсматриваемаго сочиненія, нельзя признать вполне безпристрастнымъ и основательнымъ.

„1. Авторъ приписываетъ Толстому мысль, будто дѣятельная любовь къ ближнимъ имѣетъ своимъ источникомъ не сочувствіе, влеченіе человѣка къ своимъ ближнимъ, а исключительно отреченіе отъ блага своей личности. Но такой мысли у Толстаго нѣтъ. Уже изъ тѣхъ изрѣченій Толстаго, которыя приводятся самимъ авторомъ въ началѣ 4-й главы своего сочиненія, ясно видно, что Толстой считаетъ отреченіе отъ блага своей личности только однимъ изъ необходимыхъ условій для пробужденія дѣятельной любви къ ближнимъ, а не исключительнымъ источникомъ ея; привязанность къ благу животной личности онъ считаетъ препятствіемъ къ проявленію любви, которая, по его мнѣнію, присуща человѣческому сердцу и обнаруживается во всей силѣ съ устраненіемъ означеннаго препятствія и съ познаніемъ того, что истинное благо заключается только въ дѣятельной любви къ ближнимъ. Чтобъ подтвердить это, достаточно указать на слѣдующія слова Толстаго, приводимыя авторомъ на стр. 295-й: „чувство, разрешающее всѣ противорѣчія жизни человѣческой и дающее наибольшее благо человѣку, *знаютъ всѣ люди*. Чувство это любовь“. Далѣе Толстой говоритъ, что „начало любви, корень ея есть свѣтлое и радостное состояніе, свойственное дѣтямъ и разумнымъ людямъ“ (300 стр.). Любовь къ людямъ, въ которой, по ученію Толстаго, заключается дѣйствительное лучшее благо, знаютъ всѣ люди съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, къ нему непосредственно влечется каждая неразвращенная человѣческая душа“ (295). Но у большей части людей обнаруженіе чувства любви задерживается, подавляется неразумною привязанностію къ благу животной личности, но какъ только человѣкъ искренно отречется отъ этого блага,—тотчасъ проявляется чувство любви къ ближнимъ и „всякій человѣкъ внутреннимъ опытомъ познаетъ, какъ тотчасъ же, по мѣрѣ искренности его отреченія, падетъ всякое недоброжелательство и какимъ потокомъ хлынетъ изъ его сердца *запертое* до тѣхъ поръ благоволеніе ко всѣмъ людямъ“ (300—301 стр.) Изъ этихъ и многихъ другихъ выраженій Толстаго ясно видно, что онъ вовсе не отрицаетъ любви, какъ непосредственнаго, отъ природы свойственнаго сердцу человѣческому влеченія—дѣлать

добро ближнимъ, — какъ старается навязать ему авторъ, — и не видеть источника любви *только* въ отреченіи отъ блага животной личности. Поэтому всѣ доказательства автора (303—310) въ пользу той мысли, что „любовь не есть плодъ отреченія отъ личнаго блага, не есть благоволеніе къ людямъ, возникающее *послѣ* этого отреченія, а есть совершенно самостоятельное, независимое(?) и основное чувство души, которое не всегда слѣдуетъ за отреченіемъ отъ личнаго блага“ (312), — оказываются совершенно излишними и не поражаютъ ученія Толстаго о сущности и происхожденіи любви. Поэтому многіе упреки, дѣлаемые авторомъ Толстому, при разборѣ его ученія о происхожденіи любви, оказываются совершенно напрасными и странными. Такъ авторъ совершенно напрасно упрекаетъ Толстаго въ томъ, будто онъ не допускаетъ, что „любовь, какъ чувство, всегда должна наполнять душу человѣка и лежать въ основѣ всего психическаго содержанія личности“ (326 стр.), — будто по его мнѣнію „любовь къ другимъ есть лишь простой выводъ изъ чисто теоретическихъ соображеній о необходимости отреченія отъ личнаго блага“ (ib.), — будто служеніе ближнимъ онъ понимаетъ въ очень матеріальномъ, вещественномъ смыслѣ (327), тогда какъ на слѣдующей же страницѣ приводитъ слова Толстаго о томъ, что любить ближняго значитъ положить душу свою за други своя, отдавать другому не только свое время, свои силы, но и свою жизнь, и, выше излагая ученіе Толстаго о любви, самъ называетъ ее „влеченіемъ отдать всѣ силы для служенія другимъ, всего себя для блага ближняго“ (299 стр.), — будто любовь у Толстаго есть дѣятельность для другихъ, вытекающая лишь изъ признанія разумомъ невозможности личнаго блага (330 стр.), тогда какъ самъ же авторъ на стр. 294 приводитъ слова Толстаго, что любовь, дающая наибольшее благо человѣку (295 стр.), не есть нѣчто только выведенное изъ разсужденія, а есть то самое знакомое человѣку благо, къ которому непосредственно влечется каждая неразвращенная душа человѣческая, — будто опредѣленіе Толстаго: *любить значитъ дѣлать добро* страдаетъ односторонностію, обнимаетъ собою только одну *внѣшнюю* сторону служенія ближнимъ, совершенно не захватываетъ самой любви, какъ психической основы, какъ внутренняго мотива этой дѣятельности, — будто подъ любовію онъ разумѣетъ только внѣшнюю добродѣтель и исключаетъ внутреннее сочувствіе ближнему, искреннюю готовность помогать ему (330. 331 стр.), тогда какъ самъ же авторъ, излагая ученіе Толстаго

о любви, утверждаетъ, что любовь онъ понимаетъ, какъ желаніе всѣмъ блага, какъ сочувствіе каждому, стремленіе всѣмъ услужить, какъ *внутреннее* влеченіе отдать всѣ свои силы для служенія другимъ (299). Всѣ эти и многіе другіе упреки и возраженія Толстому суть плодъ по меньшей мѣрѣ недоразумѣнія со стороны автора, увлекшагося полемикой и забывшаго о томъ, что онъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія приписывалъ Толстому.

2. Никакъ нельзя признать правильною мысль автора, будто высокое нравственное достоинство человѣческой дѣятельности опредѣляется чувствомъ любви, какъ непосредственнымъ влеченіемъ человѣка сдѣлать добро ближнему, чуждымъ всякихъ разсужденій о возможности или невозможности личнаго блага и будто свидѣтельство разума о неизбѣжной гибели этого блага лишаетъ человѣка свободы дѣйствій, такъ что „тутъ человѣкъ начинаетъ служить для другихъ не по внутреннему свободному произволению, а вслѣдствіе роковой необходимости, въ силу неизбѣжныхъ условій человѣческой жизни“ (319). Противъ этого мы должны напомнить автору, во первыхъ, о томъ, что дѣятельность человѣка получаетъ истинно нравственный характеръ тогда, когда она вытекаетъ изъ любви разумной, осмысленной, утверждающейся на тѣхъ или другихъ разумныхъ убѣжденіяхъ, а не тогда, когда она вытекаетъ изъ любви, какъ непосредственнаго влеченія человѣка сдѣлать добро ближнему,—во вторыхъ, о томъ, что кто въ своей дѣятельности руководствуется указаниями, свидѣтельствомъ разума, тѣми или другими убѣжденіями (даже ошибочными), о томъ никакъ нельзя сказать, что онъ дѣйствуетъ не по внутреннему свободному произволению, а по роковой необходимости; напротивъ здѣсь то и обнаруживается свобода человѣка. Что касается упоминаемыхъ авторомъ „неизбѣжныхъ, постоянныхъ условій человѣческой жизни, открывающихъ безсмысленность личнаго существованія“; то самъ же авторъ на стр. 304 и дд. доказываетъ, что эти условія не дѣйствуютъ на человѣка прилудительно; „можно чувствовать, говорить онъ здѣсь, вполне сознавать невозможность блага личнаго, и при всемъ томъ не ощущать въ себѣ любви къ людямъ, не служить благу ближнихъ; человѣкъ ясно видитъ, что стремиться къ личному благу безразсудно, готовъ отказаться отъ этого стремленія, и даже на самомъ дѣлѣ отрекается отъ личнаго блага, и однако же не устремляется на служеніе другимъ и не полагаетъ въ служеніи имъ единственно разумнаго смысла жизни“ (304).

3. Точно также нельзя согласиться и съ слѣдующими разсужденіями автора: „развѣ есть истинная любовь, когда человѣкъ жертвуетъ для другихъ своею животною личностію, т. е. тѣмъ, что само по себѣ погибаетъ? Есть ли какая нибудь дѣйствительная заслуга отдавать другимъ то, что и самому человѣку не нужно? Онъ съ радостью готовъ пожертвовать другимъ свою животную личность, которая ему самому бесполезна—развѣ это любовь, развѣ это подвигъ?“ (322 и 323). Такія разсужденія неизбежно ведутъ къ отрицанію всякаго нравственнаго значенія многихъ дѣлъ любви, милосердія и состраданія къ бѣднымъ и нищимъ, состоящихъ въ пожертвованіи для нихъ имуществомъ и богатствомъ, вообще благами временными и скоропреходящими. Здѣсь авторъ становится въ противорѣчіе съ евангельскимъ ученіемъ. Самъ Спаситель высоко цѣнитъ такія дѣла любви и пожертвованіе имуществомъ для нищихъ считаетъ въ иныхъ случаяхъ необходимымъ условіемъ для достиженія высшаго нравственнаго совершенства, выраженіемъ истинной любви къ Богу и ближнимъ, считаетъ подвигомъ труднымъ и высокимъ, за который общаетъ великую награду на небесахъ (Мѡ. 19, 21 26. 29 и 25, 34—40). Подвигъ здѣсь состоитъ въ побѣдѣ человѣка надъ сильною привязанностію души къ этимъ временнымъ и тлѣннымъ благамъ. Истинные ученики и послѣдователи Христовы отрекались отъ временныхъ благъ, въ которыхъ обыкновенно люди полагаютъ свое счастье, жертвовали ими на дѣла любви и милосердія къ ближнимъ и поступали такъ въ слѣдствіе яснаго сознанія, что эти блага тлѣнны и ничтожны. Ужели же по этому мы не должны видѣть въ ихъ отреченіи отъ этихъ благъ никакого подвига и выраженія истинной любви?

4. Доказывая положеніе, что любовь въ ученіи Толстаго не имѣетъ достаточныхъ метафизическихъ основаній, авторъ утверждаетъ: „Толстой отрѣшаетъ любовь отъ всякихъ отвлеченныхъ убѣжденій или отъ общихъ міровоззрѣній“ (?) (стр. 330). Но это находится въ противорѣчій съ тѣмъ, что говоритъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. Выше на стр. 319 и д доказывая, что служеніе благу ближнихъ, какъ понимаетъ его Толстой, не имѣетъ высокаго нравственнаго достоинства, авторъ говоритъ: „въ этомъ служеніи нѣтъ дѣятельной любви: оно не есть проявленіе порывовъ(?) любящаго, одушевленнаго чувства, а только выраженіе спокойнаго душевнаго состоянія, которое водворяется въ человѣкѣ послѣ разрѣшенія имъ вопросовъ о жизни. Это—

ровная, методическая дѣятельность человѣка, выработавшаго *убѣжденіе*, что жить для себя безразсудно.. Служеніе ближнимъ послѣ отреченія отъ личнаго блага—это плодъ не столько непосредственныхъ влеченій любящаго сердца, сколько *отвлеченныхъ размышленій разума*. Это спокойная съ *убѣжденіемъ* совершаемая дѣятельность человѣка, пришедшаго къ непоколебимой мысли“... (321). А ниже на стр. 343 авторъ говоритъ, что Л. Н. Толстой „дѣлаетъ попытку обосновать любовь на почвѣ пантеистическихъ міровоззрѣній“ (?), и дальше излагаетъ тѣ основанія, по которымъ Толстой признаетъ любовь къ ближнимъ обязательною для людей. Такимъ образомъ авторъ ставитъ въ вину Толстому и то, что онъ понимаетъ любовь какъ плодъ не столько непосредственныхъ влеченій любящаго сердца, сколько отвлеченныхъ размышленій разума, какъ плодъ извѣстнаго убѣжденія,—и то, что онъ метафизически не обосновываетъ любовь, *не осмысливаетъ* ея (339).

Что касается критики автора, направленной противъ ученія Толстаго о происхожденіи зла (въ 3-й гл.) и доказательствѣ, что любовь къ ближнимъ въ ученіи Толстаго не имѣетъ прочныхъ метафизическихъ основаній и не чужда эгоистическихъ и своекорыстныхъ мотивовъ и что христіанское ученіе о любви выше ученія Толстаго (въ 4-й гл.); то эту критику и эти доказательства автора слѣдуетъ признать удовлетворительными.

„Пятая глава сочиненія производитъ очень пріятное впечатлѣніе на читателя основательностью мыслей, стройнымъ и послѣдовательнымъ ихъ раскрытіемъ, яснымъ и точнымъ языкомъ. Это самая лучшая глава въ сочиненіи.

„Подводя общій итогъ нашимъ замѣчаніямъ о сочиненіи г. Борисовскаго, мы должны сказать, что онъ не успѣлъ пріобрѣсти всесторонняго и основательнаго знакомства съ ученіемъ Толстаго. Этимъ объясняется, съ одной стороны, то, что критика автора не всегда устойчива, правильна и основательна, а, съ другой стороны, то, что планъ сочиненія, избранный авторомъ, не совсѣмъ удаченъ: первая глава сочиненія, если оставить за нею право на самостоятельное существованіе, никакъ не должна занимать перваго мѣста, но несравненно больше основаній думать, что она должна бы слиться съ другими главами.

„Впрочемъ, принимая во вниманіе, что избранная авторомъ тема очень трудна и сложна, что нѣкоторыя обстоятельства, указанные авторомъ во вступительной части сочиненія, „значительно задержали успѣшный ходъ его работы“ (26 стр.) и что все-таки

нѣкоторые пункты ученія Толстаго авторомъ подвергнуты основательной критикѣ,—мы считаемъ справедливымъ признать сочиненіе г. Борисовскаго вполне удовлетворительнымъ для полученія имъ степени кандидата богословія.

5. Отзывъ ординарнаго профессора Евгенія Голубинскаго о сочиненіи студента Евгенія Бречкевича на тему: „Гедеонъ Болобанъ, епископъ Львовскій“.

„Справедливо обвиняетъ авторъ Львовское братство въ чрезмѣрныхъ притязаніяхъ, но неосновательно говоритъ противъ него самого, представляя его снимкомъ съ братствъ протестантскихъ. Непричастность Гедеона Болобана дѣлу униі, т. е. дѣлу объ ея устройствѣ, доказывается авторомъ не совершенно убѣдительно. Общій отзывъ о сочиненіи, которое писано г. Бречкевичемъ съ несомнѣннымъ усердіемъ и въ которомъ обозрѣвается имъ дѣятельность Гедеона полно и въ достаточной степени обстоятельно, долженъ быть данъ удовлетворительный, съ похвалою: хорошее очень.“

6. Отзывъ экстраординарнаго профессора, протоіеря Д. Касицына, о сочиненіи *Николая Брянцева*: „Церковь по ученію Гуса“.

„Церковная жизнь, окружавшая Гуса, говоритъ авторъ, должна была положить свой отпечатокъ на его церковные взгляды. Для лучшаго уразумѣнія этого практическаго фактора, подъ дѣйствіемъ котораго складывались церковныя воззрѣнія Гуса, мы обратимся къ обозрѣнію церковной жизни, разсмотримъ состояніе западной католической церкви въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, къ какому собственно времени относится жизнь и дѣятельность Гуса, а потомъ, изслѣдовавъ характеръ Гуса, его отличительныя особенности, покажемъ, какимъ образомъ современное ему состояніе церковной жизни—этотъ практическій факторъ—отразился своимъ вліяніемъ на церковныхъ взглядахъ Гуса, какія привнесъ въ нихъ особенности“... (стр. 14—15). „Для контраста и лучшаго отмѣненія церковной жизни того времени, представимъ тогдашнее католическое ученіе о церкви. Изложеніе этого ученія будетъ необходимо намъ и для того, чтобы потомъ, сравнивъ это ученіе съ таковымъ же церковнымъ ученіемъ Гуса, можно было отмѣнить характеристическія особенности послѣдняго; въ чемъ оно согласно съ римско-католическимъ ученіемъ того времени и въ чемъ разнится отъ него“ (стр. 18).

„Согласно съ этимъ, своему изслѣдованію ученія Гуса о церкви авторъ предпосылаетъ обозрѣніе состоянія западной церкви вре-

мень Гуса и—жизни и дѣятельности самого Гуса до Констанскаго собора и на соборѣ. Здѣсь говоритъ „о факторахъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ развилось церковное ученіе Гуса“ и прежде всего о „факторѣ практическомъ—церковной жизни того времени въ связи съ личнымъ характеромъ Гуса“, а потомъ о „теоретическомъ факторѣ, опредѣлившемъ характеръ церковнаго ученія Гуса; о вліяніи схоластической философіи“. Это обзорѣніе самъ авторъ называетъ „небольшимъ очеркомъ“ (стр. 172); но оно занимаетъ 218 страницъ и само по себѣ можетъ быть разсматриваемо какъ цѣлое сочиненіе на степень кандидата.

„Переходя далѣе къ главному предмету своего изслѣдованія,—къ изложенію ученія Гуса о церкви, авторъ говоритъ „о принципахъ церковнаго ученія Гуса формальномъ принципѣ“ (225—273 стр.) и „матеріальномъ принципѣ церковнаго ученія Гуса“ (стр. 273—374) и потомъ „на основѣ только что указанныхъ принциповъ—формальнаго Св. Писанія, какъ источника и критерія истины и матеріальнаго—предопредѣленія“ (стр. 375) излагаетъ „церковное ученіе Гуса“ стр. 376—816.

„Въ заключеніе своего изслѣдованія предлагаетъ „критическій разборъ ученія Гуса о церкви“ стр. 817—887.

„Уже самое число страницъ—887 свидѣтельствуетъ о громадности труда, положеннаго авторомъ при своемъ изслѣдованіи.

„При обширныхъ и срочныхъ работахъ почти неизбѣжны недосмотры. И въ настоящемъ сочиненіи встрѣчаются выраженія нескладныя съ иностранными словами: „немотивированная жизнь“, „скомбинировать“ и под. см. стр. 10, 172, 813. Переводъ не вездѣ ясенъ см. напр. стр. 376. Пользованіе иностранными источниками иногда неосторожно, напр. стр. 28; 33—34. Въ началѣ сочиненія выраженія о самомъ Гусѣ не соотвѣтствуютъ цѣли изслѣдованія. Гусъ, напримѣръ, будто бы „не принадлежитъ къ великимъ двигателямъ... нельзя ли признать за Гусомъ значеніе *хоть малаго винтика*, малаго двигателя“... (стр. 4), хотя въ концѣ изслѣдованія, па стр. 862, самъ же авторъ говоритъ о высотѣ и глубинѣ церковныхъ взглядовъ Гуса. Встрѣчаются повторенія и ссылки „мы говоримъ“, „мы сказали“. Но подобныя недосмотры—совершенно незначительныя мелочи. Вообще же видно отношеніе автора къ дѣлу самое старательное. Изслѣдованіе очень обстоятельное и вполнѣ удовлетворительное для степени кандидата богословія. Совѣтую автору продолжить свои занятія и представить сочиненіе на степень магистра“.